

КОМПОЗИЦИЯ ЖАНРА ИНВЕКТИВЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье впервые анализируется композиция жанра инвективы М.Ю. Лермонтова. Элементы композиции рассматриваются с точки зрения структурно выраженного обращения субъекта «я» к адресату «ты»/«вы» и с учетом трехчастной композиции лирического стихотворения.

Композиция лирики М.Ю. Лермонтова неоднократно изучалась, есть работы, посвященные композиции отдельных стихотворений поэта. Так, в сборнике «Анализ одного стихотворения» содержатся статьи разных исследователей, посвященные вопросам композиции таких стихотворений, как «Парус» [11], «Свиданье» [12], «Когда волнуется желтеющая нива...» [13]. Отметим также отдельные замечания о композиции некоторых инвектив в словарных статьях Лермонтовской энциклопедии: «Благодарность» [14], «Дума» [15], «Журналист, читатель и писатель» [16], «Не верь себе» [17], «Поэт» [18], «Прощай, немытая Россия» [19], «Смерть Поэта» [20]. Но в жанровой дифференциации композиции ранее не рассматривалась.

Композиция – понятие сложное и многоаспектное. На сегодняшний день в теории литературы выделяются разные виды и типы композиций. Среди обширной литературы, посвященной вопросам композиции, существует ряд работ, касающихся анализа композиции лирического стихотворения: Г. Шенгели [1], В.М. Жирмунского [2], М.Л. Гаспарова [3], Т.И. Сильман [4], Л.Я. Гинзбург [5], В.Е. Холщевникова [6], Д.С. Чернявской [7], Ю.М. Никишова [8], Л.В. Чернец [9], Р.А. Евсеевой [10]. Исследователи выделяют: зачин (он обычно «дает эмоциональный ключ, настраивающий читателя так, как это нужно поэту») [6, с. 10], концовку (завершающий элемент лирической композиции, подводящий итог всему стихотворению), а между ними разработку (самая крупная композиционная часть стихотворения).

В.Е. Холщевников в работе «Анализ композиции лирического стихотворения»

показал три основных композиционных типа: 1) сопоставление двух образов, диалектически взаимодействующих, 2) развитие и трансформация одного центрального образа, 3) логическое рассуждение [6, с. 13-14]. Определены формальные приемы организации материала: выделение зачинов и концовок [10, с. 9-15, 22-26]. Используя наработки наших предшественников, мы проанализируем композицию 16 инвектив Лермонтова, решая главный для нас вопрос о способах и приемах развертывания обличительного начала, структурно выраженного в форме обращения субъекта «я» к адресату «ты»/«вы»¹.

Наш материал, с точки зрения выраженности обличения адресата, представляет неоднородные тексты. В нем можно выделить две группы:

I) инвективные строки (с субъектной организацией «я» – «ты»/«вы») охватывают все стихотворение: «К***» («Я не унижусь пред тобою»), «Новгород», «30 июля. – (Париж) 1830 года», «К***» («О, полно извинять разврат»), «Дума» и др. (всего 11 текстов);

II) инвективные строки появляются в части стихотворения (всего 5 текстов). Во второй группе выделяем **три подгруппы: 1)** с чередованием элегических и инвективных частей, **2)** с наличием в структуре текста 2-х автономных элегических и инвективных звеньев, **3)** содержащая несколько инвективных строк в разработке. Инвективные строки в стихотворениях **II** группы являются идейно-стилевой доминантой текста, вследствие чего все стихотворение трактуется как инвектива.

Рассмотрим каждую группу подробнее. Начнем со **II** менее частотной группы. **Третья подгруппа** представлена одним текстом:

¹ А.С. Краковяк и С.А. Матяш предлагают рассматривать план субъекта и план адресата как два центральных композиционных звена инвективы. См. об этом: Краковяк А.С., Матяш С.А. О композиционных особенностях русской и польской инвективы // Мир славянской письменности и культуры: Материалы заседания «круглого стола», посвященного основателям славянской письменности, равноапостольным Кириллу и Мефодию / Под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – С. 81–86.

«Журналист, читатель и писатель». О значении инвективных строк «В чернилах ваших, господа, / И желчи едкой даже нету – / А просто грязная вода» (II, 147) для концепции всего произведения мы писали ранее [22].

Вторая подгруппа представлена двумя текстами: «Умиравший гладиатор» и «Поэт», в которых инвективные и элегические части существуют в виде двух автономных звеньев. Согласно данным автора комментариев Г.В. Лапкиной, начало стихотворения «Умиравший гладиатор» является свободным переложением строф CXXXIX–CXLI IV песни «Чайльд-Гарольда». Исследовательница отмечает, что «Лермонтов значительно усилил и углубил гражданские, вольнолюбивые мотивы, конец стихотворения (начиная со стиха 22 «Не так ли ты, о европейский мир») совершенно самостоятелен по теме и никак не связан с поэмой Байрона» [23]. По нашему мнению, как раз эта часть с обвинением европейского мира и является инвективой. Во-первых, она заканчивает стихотворение; во-вторых, Лермонтов показывает служебную роль элегической части: «Не так ли ты, о европейский мир» – она необходима для сравнения; в-третьих, элегическая часть начинается строками «Ликует буйный Рим...» и заканчивается «Прости, развратный Рим, – прости, о край родной...». Обличительный эпитет Рима «развратный» дает переход к инвективному заключительному итогу. Несмотря на то, что элегическая часть занимает больше строк – 21, тогда как инвективная – только 15, инвективная часть оказывается более значимой в жанровом смысле. Именно инвективная часть, по нашему мнению, дает эмоциональную окраску текста.

Автономность усиливается в стихотворении «Поэт», композиционные части отделяются друг от друга графически чертой. Части синтаксически и тематически независимы, в каждой из них находим развитие самостоятельных образов. Исследователями отмечена композиционная параллель: кинжал, ставший бесславной и безвредной золотой игрушкой, и поэт, потерявший истинное назначение; «кинжал оказывается образом, раскрывающим глубинную, основную

тему» ([6, с. 47], см. также: [24], [18]). Первая часть, повествующая о кинжале, организована 3-личной элегической формой, но когда во второй части автор обращается к поэту, субъектный строй меняется. Поэт не просто сравнивается с кинжалом, он адресат обращения: «В наш век изнеженный не так ли ты, поэт <...>». Концовка стихотворения объединяет в трансформированном виде обе части: «Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк? / Иль никогда на голос мщенья / Из золотых ножен не вырвешь свой клинок, / Покрытый ржавчиной презренья?» (II, 119). Все стихотворение – развернутое сравнение, основная поэтическая мысль выражается во второй инвективной части.

Первая подгруппа включает в себя тексты, в которых происходит чередование элегических и инвективных частей. Лермонтоведами отмечено чередование элегических и инвективных начал, нам в связи с вопросом о композиции важно показать место этого структурно выраженного через «я»/«ты» обличительного начала. В статье М.Л. Гаспарова в Литературном энциклопедическом словаре в качестве примера инвективы приводятся последние 16 строк «Смерти Поэта»: «А вы, надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов <...>» [25]. Эта ударная часть приходится на концовку стихотворения. Однако обличение высшего света присутствует не только в концовке, оно начинается значительно раньше, в начале разработки темы: «Не вы ль сперва так злобно гнали <...>». Таким образом, обличительное начало захватывает разработку темы, перекликается с зачином («Погиб поэт! – невольник чести – / Пал, оклеветанный молвой <...>») (II, 84) и делает органичным итоговое инвективное заключение, ходившее в отдельных списках.

Лермонтоведы неоднократно отмечали сходство стихотворений «Последнее новоселье» и «Смерть Поэта» с точки зрения тем и мотивов [26]. Для нас в данном случае важно показать близость этих произведений с точки зрения пронизывания элегической ткани гневными строками инвективы. Но если в «Смерти Поэта» обличение начинается в разработке и приобретает максимальное

воплощение в концовке, то в «Последнем новоселье» развертывание оппозиции гений – толпа, выраженной через обличение адресата «Ты жалкий и пустой народ», начинается в первой части и продолжается во второй. Заканчивается стихотворение переключением на тему Наполеона, своеобразным напоминанием инвективного начала стихотворения является вербальное выражение негодования: «Какое в нем негодованье / При этом виде закипит!» (II, 184). Сопоставление близких по смыслу строк «Последнего новоселья»: «Как женщина, ему вы изменили, / И, как рабы, вы предали его!» со строками «Воздушного корабля»: «Другие ему изменили / И продали шпагу свою» доказывает правомерность нашего утверждения о важности субъектной организации для жанра инвективы. В приведенных примерах лексическое наполнение близко, но субъектный строй разный, в «Последнем новоселье» инвектива получает структурное выражение. (К этой же подгруппе стихотворений мы отнесли «Как часто, пестрою толпою окружен».)

Перейдем к I, самой многочисленной группе (11 текстов), стихотворения которой организованы как инвектива с точки зрения субъектного строя от начала до конца. Так, гневное обращение к адресату звучит уже в **зачине**: «Ты мог быть лучшим королем, / Ты не хотел. – Ты полагал / Народ унизить под ярмом. / Но ты французов не узнал!» («30 июля. – (Париж) 1830 года» I, 153); «Не ты, но судьба виновата была, / Что скоро ты мне изменила, / Она тебе прелести женщин дала, / Но женское сердце вложила» («К***») («Не ты, но судьба виновата была») I, 299).

Зачин может представлять одну строку: Печально я гляжу на наше поколенье! (II, 113) («Дума»).

Максимальный объем – 4 строки:

Я не унижусь пред тобою;

Ни твой привет, ни твой укор

Не властны над моей душою.

Знай: мы чужие с этих пор. (II, 21)

(«К*») («Я не унижусь пред тобою»)).

Зачины могут содержать в себе восклицания: «О, полно извинять разврат!» (I, 279) («К***») («О, полно извинять разврат»)), «Печально я гляжу на наше поколенье!» (II,

113) («Дума»); вопросы: «Сыны снегов, сыны славян, / Зачем вы мужеством упали?» (I, 169) («Новгород»); обращения: «Я не унижусь пред тобою; / Ни твой привет, ни твой укор / Не властны над моей душою. / Знай: мы чужие с этих пор» (II, 21) («К*») («Я не унижусь пред тобою»)), см. также: «Не верь себе», «Опять, народные витии».

Развертывание темы продолжается в **разработке** с использованием следующих экспрессивно-стилистических средств, выделенных В.М. Жирмунским в классической работе «Композиция лирических стихотворений». Большая часть исследуемых текстов содержит композиционные повторы разных видов. Наиболее частотными для жанра инвективы являются анафорические повторы, среди которых можно выделить несколько групп:

Анафорическое «и», выполняющее в каждом конкретном случае специфическую функцию:

– перечисление происходящих событий: «И загорелся страшный бой, / И знамя вольности как дух / Идет пред гордою толпой. / И звук один наполнил слух; / И брызнула в Париже кровь» («30 июля. – (Париж) 1830 года» I, 153).

В данном примере, помимо констатации процессуальности, анафорическое «и» усиливает эмоциональное воздействие;

– усиление эмоционального воздействия при создании психологического портрета современного поколения: «И ненавидим мы, и любим мы случайно, / Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви, / И царствует в душе какой-то холод тайный, / Когда огонь кипит в крови. / И предков скучны нам роскошные забавы, / Их добросовестный, ребяческий разврат; / И к гробу мы спешим без счастья и без славы, / Глядя насмешливо назад» («Дума» II, 114).

Своеобразие анафорических повторов в данном случае состоит в их равномерном чередовании со строками без повторов, причем эти строки являются не самостоятельными предложениями, а продолжением предыдущей строки. Таким образом, анафорическое «и» в каждой строке открывает новую мысль;

– анафорическое «и» уравнивает, ставит в один ряд две категории людей, являющихся

ся адресатами инвективы, и организует их противопоставление: «И вы, мундиры голубые, / И ты, им преданный народ» («Прощай, немая Россия» II, 191).

Часто используются в качестве анафоры прямые обращения в форме 2 лица единственного числа:

– к современному поэту: «Ты рано ода-рен природой; / Ты видел зло и перед злом / Ты гордым не поник челом. / Ты пел о вольности, когда / Тиран гремел, грозили казни; / Боясь лишь вечного суда / И чуждый на земле боязни, / Ты пел, и в этом есть краю / Один, кто понял песнь твою» («К***») («О, полно извинять разврат») I, 279);

– к французскому народу: «Мне хочется сказать великому народу: / Ты жалкий и пустой народ! / Ты жалок потому, что вера, слава, гений, / Все, все великое, священное земли, / С насмешкой глупою ребяческих сомнений / Тобой растоптано в пыли» («Последнее новоселье» II, 182).

В ряде случаев анафора задает императивный тон инвективы: «О, полно извинять разврат! / Ужель злодеям щит порфира? / Пусть их глупцы боготворят, / Пусть им звучит другая лира» («К***») («О, полно извинять разврат») I, 279); «Не выходи тогда на шумный пир людей / С своею бешеной подругой; / Не унижай себя. Стыдися торговать» («Не верь себе» II, 122-123).

Завершается развитие темы в **концовке**. Для концовки, так же как и для зачина, характерен небольшой объем, он колеблется от 2 строк:

Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою. (I, 279)
(«К***») («О, полно извинять разврат»))
(См. также: «Новгород», «Благодарность»)
до 7 строк:

Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный крик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник. (II, 224)
(«Опять, народные витии»).

(См. также: «Прощай, немая Россия»).

Яркой приметой жанра инвективы явля-

ется высокая степень **обращений**, которые, как показало наше исследование, сосредоточены в зачинах (11 текстов) и концовках (10 текстов). Если для зачина в большей мере свойственно настоящее время, то в концовке появляется будущее время.

Анализируя семантику обращений, В.Е. Холшевников отметил характерную особенность гражданской лирики, концовка которой содержит «призыв, лозунг, вопрос, восклицание, обращение» [6, с. 29].

Так, для концовки жанра инвективы наиболее типичными оказались:

1) концовка-обращение: «Ты пел, и в этом есть краю / Один, кто понял песнь твою» («К***») («О, полно извинять разврат») I, 279); «Поверь: для них смешон твой плач и твой укор, / С своим напевом заученным, / Как разрумяненный трагический актер, / Махающий мечом картонным...» («Не верь себе»).

В некоторых инвективах обращения, устремленные в будущее, содержат в концовке угрозу за совершенные злодеяния: «Ты обернешь молящий взгляд, / И строй кровавый закричит: / Он виноват! он виноват!» («30 июля. – (Париж) 1830 года» I, 154); «Тогда напрасно вы прибегнете к злословью: / Оно вам не поможет вновь, / И вы не смоете всей вашей черной кровью / Поэта праведную кровь!» («Смерть Поэта» II, 86);

2) эмоциональное обобщение поэтом жизненного опыта: «Не зная коварную измену, / Тебе я душу отдавал; / Такой души ты знала ль цену? / Ты знала – я тебя не знал!» («К*») («Я не унижусь пред тобою») II, 22).

В плане семантики это универсальная функция концовки, поскольку «самое положение последних строк, самый факт окончания стихотворения заставляет читателя воспринимать концовку как обобщение, как нечто значительное – завершение темы» [6, с. 33];

3) осмысление трагической судьбы Наполеона: «Как будет он жалеть, печалию томимый, / О знойном острове, под небом дальних стран, / Где сторожил его, как он непобедимый, / Как он великий, океан!» («Последнее новоселье» II, 184);

4) концовка-призыв: «Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк? / Иль никогда на

голос мщенья / Из золотых ножен не вырвешь свой клинок, / Покрытый ржавчиной презренья?» («Поэт» II, 119); «Устрой лишь так, чтобы тебя отныне / Недолго я еще благодарил» («Благодарность» II, 159).

Подводя итоги, отметим, что идея трехчастности работает только на материале I группы, II группа требует другого подхода. Тот факт, что самой большой группой (11 текстов) оказалась группа текстов со структурно выраженным обличением по принципу «я»/«ты», говорит о правомерности вы-

деления инвективы как жанра. Произведения второй группы говорят о том, что инвективные части, даже уступающие по объему элегическим или другого рода текстам, дают такой эмоциональный всплеск, волны которого расходятся по всему произведению и составляют основу жанрового содержания произведения. Преобладание композиционного типа со структурно выраженным обвинением, занимающим весь текст, доказывает, что жанр инвективы является инвариантом лермонтовского сознания.

Список использованной литературы:

1. Шенгели Г. О лирической композиции / Проблемы поэтики. Сб. статей / Под ред. В.Я. Брюсова. – М.: Земля и фабрика, 1925. – С. 97-113.
2. Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л.: Сов. писатель, 1975. – 664 с.
3. Гаспаров М.Л. Строеие эпиникия // Поэтика древнегреческой литературы. – М.: Наука, 1981, – С. 290-330; он же: Топика и композиция гимнов Горация // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 223-273; он же: Лирические кондовки Фета, или как Тургенев учил Фета одному, а научил другому // Новое литературное обозрение, 56. – 2002. – №4. – С. 96 – 113.
4. Сильман Т.И. Заметки о лирике. – Л.: Сов. писатель, 1977. – 223 с.
5. Гинзбург Л.Я. Частное и общее в лирическом стихотворении // О старом и новом. – Л.: Сов. писатель, 1982. – С. 16-42.
6. Холшевников В.Е. Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения. Межвуз. сб. / Под ред. В.Е. Холшевникова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – С. 5-49.
7. Чернявская Д.С. «Начало» и «конец» в структуре лирического произведения // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. – Донецк: ДГУ, 1987. – С. 149-150.
8. Никишов Ю.М. Лирика: Поэтика и типология композиции. Учебное пособие. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1990. – 86 с.
9. Чернец Л.В. Композиция // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учебное пособие / Под. ред. Л.В. Чернец, – М.: Высш. шк., 2000. – С. 115-133.
10. Евсеева Р.А. Поэтика композиции лирики В.А. Жуковского // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2003. – 27 с.
11. Маркович В.М. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус» // Анализ одного стихотворения. Межвуз. сб. / Под ред. В.Е. Холшевникова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – С. 122-132.
12. Вишневский К.Д. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Свидание» // Анализ одного стихотворения. Межвуз. сб. / Под ред. В.Е. Холшевникова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – С. 132-140.
13. Матяш С.А. «Когда волнуется желтеющая нива...» М.Ю. Лермонтова и «Когда в высокие минуты бытия...» Н.Ф. Щербины. Сопоставительный анализ // Анализ одного стихотворения. Межвуз. сб. / Под ред. В.Е. Холшевникова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – С. 140-147.
14. Коровин В.И. «Благодарность» // Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 63.
15. Коровин В.И. «Дума» // Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 147-149.
16. Вацуро В.Э. «Журналист, читатель и писатель» // Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 170-172.
17. Шикин В.Н. «Не верь себе» // Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 336.
18. Миллер О.В. «Поэт» // Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 441.
19. Динесман Т.Г. «Прощай, немытая Россия» // Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 452.
20. Чистова И.С. «Смерть поэта» // Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 511-513.
21. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учебное пособие / Вступ. ст. Н.Д. Тамарченко; коммент. Н.Д. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
22. Анненкова Н.А. Субъектный строй жанра инвективы М.Ю.Лермонтова // Литература и общественное сознание: Варианты интерпретации художественного текста. Материалы VII межвуз. науч.-практич. конф. (20-21 мая 2002 года). Выпуск 7. Ч.1: Литературоведческий аспект. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2002. – С. 80.
23. Лапкина Г.В. Примечания. 1833-1834. // Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 томах. Т. 2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.– С. 326-327.
24. Усок И. Герой лирики Лермонтова: 1836-1841 гг. // Творчество М.Ю. Лермонтова. – М.: Наука, 1964. – С. 211.
25. Гаспаров М.Л. Инвектива // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 121.
26. Аринштейн Л.М. «Последнее новоселье» // Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 436.